

6

ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ лет назад с двумя друзьями-актерами Кененбай Кожобеков шел вечером в Тюз на генеральную репетицию. Из-за угла — ватага пьяных хулиганов. И... и удар ножом в спину.

...Сын чабана, Кожобеков ворвался на экран верхом на коне — молодой влюбленный табунщик Айдар из фильма «Девушка-джигит». Это была не первая работа Кожобекова в кино, но именно в связи с ней заговорили о его яркой актерской индивидуальности, счастливых внешних данных, о хороших перспективах на будущее.

В фильме Султана Ходжинова «Кыз-Жибек» мы опять видим Кожобекова на коне. Его осанистый Сырлыбай сидит в седле красиво, уверенно. На съемочную площадку Кененбая принесли на руках. Чтобы удержаться на коне, он сам себе сконструировал седло-кресло.

В двадцати фильмах снялся Кененбай Кожобеков. В девяти — уже в тяжелые годы болезни. Ударом ножа был поврежден позвоночник — паралич обеих ног.

Кененбай полюбил кино в том юном возрасте, когда человеку свойственно влюбляться. Пятнадцатилетним парнишкой он залезал на дерево, чтобы пять вечеров подряд смотреть в летнем кинотеатре «Чалаева» Кино ответило Кененбаю взаимностью. Его, слесаря алмаатинского завода «20 лет Октября», легко и весело приняли в школу киноактеров при Казахской киностудии. Экзаменаторы, которым положено быть непроницаемо сдержанными, от души хохотали над показанным им этюдом.

Вскоре совершенно неожиданно режиссер Марк Донской увез Кененбая в Москву сниматься в фильме «Алигет уходит в горы». Роль Аэ, первого комсомольца Чукотки, нельзя назвать актерской удачей Кожобекова. Это была проба, первые шаги. Главное, что усвоил Кененбай, работая с Марком Донским, — актер, которому доверена роль положительного героя, должен быть достоин ее прежде всего как человек.

На первых порах молодой артист Кожобеков применял это правило к себе, пожалуй, несколько прямолинейно. По сценарию комсомолец Аэ вступает в единоборство с волком. В фильме артист-комсомолец Кожобеков вступает в единоборство с волком (не с собакой, которую ему хотели «подсунуть» для безопасности. — с волком!)

В сценарии «Мы из Семиречья» большевик Нартай прыгает на лошадь со второго этажа. На съемках Кененбай прыгает на лошадь со второго этажа...

Четырнадцать лет назад врачи приговорили Кожобекова к неподвижности, по существу, подписали приказ об отчислении из кинематографа. Но он удержался в седле. Кененбай хранит такую телеграмму из республиканского Тюза: «В день 25-летия нашего родного театра шлем свои поздравления пламенному Гани Муратбаеву, верному соратнику Фурманова — Шагабутдинову, другу Ибрая Алтынсарина — Доброходову. Эти роли, созданные вами на

ма. На 18-й странице подчеркнута: «Какая-то пустота вырисовывается, незаметно ощущается какое-то новое ощущение, которое можно назвать прозябанием, потому что дни пусты иногда настолько, что выскакивают разные анемично-бледные мыслишки и решения». Синим карандашом на 29-й странице: «Я растерял понемногу всех друзей прошлых лет»...

В больницу к Кененбаю не пришли те, кого он считал самыми близкими, те, кото-

восклицательным знаком: «У меня есть план, имеющий целью наполнить жизнь содержанием, необходимым для оправдания самой жизни... То, что у меня не двигаются ноги и я ни черта не вижу — сплошное недоразумение, идиотская шутка... Дашь темпы, дашь напряжение в 100.000 вольт!»

На съемках фильма «Кыз-Жибек» была жара до сорока градусов. Полупустыня. «Спешитесь! — время от времени командовал Ходжинов, — под тенты на пере-

— У моих ребят много друзей, — улыбнулся Кененбай и, вздохнув, добавил: — А вот мне звонят редко. И заходят ко мне редко. Возможно, не хотят беспокоить... Ильяс в консерватории. Аленка в институте. Знаете, очень одиноко бывает. В пору раскрыть дверь и позвать кого-нибудь.

В третьем томе Островского рукой Кененбая подчеркнута строка из письма к другу: «Помни ты, что я не из железа...»

С именем, с жизнью Кененбая Кожобекова по праву связано слово «подвиг». И человеку, совершившему его, нужны люди, друзья, необходимо участие в общественной жизни. Ему невыносимо одиночество.

Я осторожно говорила об этом с некоторыми товарищами Кененбая. В ответ они ссылались на наш суматошный век: нет ни минуты свободной. И даже на собственную деликатность: дескать, у него сейчас много всяких сложностей, может, чужие глаза будут лишними.

Иногда для собственного покоя мы не хотим провести четкую границу между тактичностью, целомудренным невмешательством в чужую семью и эгоизмом, равнодушием. И еще важно понять: не только Кененбаю Кожобекову нужны люди. Он сам нужен людям, особенно молодым, обдумывающим, делать жизнь с кого.

Сценарий документального фильма «Мы носим его на руках» написал студент третьего курса ВГИКа Рустем Ходжинов, вдохновившись актерским и человеческим подвигом нашего современника. Когда Кененбай Кожобеков приезжает, скажем, в республиканский Дом кино, его действительно вносят в зал на руках. И все стараются проявить внимание, почтительность. А не придет — не позовут, «не побеспокоят».

Николай Островский почувствовал себя счастливым, когда в его доме затрещали пишущие машинки, когда к нему потянулась молодежь, когда посыпались письма, когда его «разрывали на части» просьбами выступить на съезде комсомола, перед стахановцами: «Я забыл о том, что у меня так мало физических сил... Я вновь стал страстным агитатором, пропагандистом».

И народный артист КазССР Кененбай Кожобеков достоин такого счастья. Ему есть что сказать людям. Постучитесь, Кожобеков распахнет дверь.

В. МАРИЧЕВА,
наш спец. корр.

ПОДВИГ

нормы морали

КЕНЕНБАЯ КОЖАБЕКОВА

сцене Тюза, вошли в его историю»...

Эти роли вошли в историю жизни Кененбая. И те, которые не упомянуты в телеграмме. На сцене Тюза секретарь комсомольской организации театра Кожобеков создал образы Павла Корчагина, Алексея Мересьева.

Мересьевой волей превозмогая страшную боль, Кененбай на несколько лет отвоёвал у неизлечимой болезни ноги, способность ходить, даже бегать. Из больницы он шел на двух костылях. На съемки фильма «Если бы каждый из нас» приехал с палкой. В первый день, сделав неловкое движение перед кинокамерой, упал лицом в песок. Сам поднялся. Съемки не прекратили. В конце фильма Имаш — Кожобеков бежит к реке спасать тонущую девушку...

— Не знаю, как добьется, — вспоминает Кененбай. — До сих пор не знаю, как смог пересилить ту боль. Даже теперь, когда, кажется, прошел через все круги ада — не знаю... Наверное, все-таки сознание того, что мне необходимо бежать, торопиться, что у меня ходячего слишком мало времени в запасе...

Что дает человеку силы на подвиг? Работая в Театре юного зрителя над ролью Павла Корчагина, Кененбай искал ответ на этот вопрос в книгах Николая Островского. В ту пору крупными буквами записывал в своей рабочей тетради: «Жизнь дается человеку один только раз. И прожить ее надо так, как Гани Муратбаев, Шагабутдинов, Николай Островский»...

На больничной койке, приговоренный к неподвижности, Кожобеков опять читает Островского, третий том — пись-

рые были вместе с ним в тот, так трагически окончившийся для него вечер.

Он не хотел вспоминать подробности. Они мучали, как кошмар, во сне и наяву. Хулиганы окружили одного из артистов, прижали к забору. Кененбай кинулся выручать товарища. Когда очнулся, рядом никого не было. Потом вернулся попутчики с милиционером...

Сейчас, когда все тысячу раз обдумано, Кененбай говорит о том, что тогда произошло, сурово-спокойно. Да, и сегодня он бы кинулся спасать человека, не задумываясь, чем это грозит. Подонкам надо давать отпор. Их сила не в них самих, а в нашей реакции на бесчинство, насилие. Разобщенность и трусость опасны не только на войне. Не только на войне необходимо человеку мужество.

Четырнадцать лет назад наперекор мучительным болям, кошмарам Кененбай, как заклинание, повторял строчки Николая Островского: «Я не могу себя расстрелять, не пытаюсь проверить еще раз возможность быть партии не балластом».

От анемично-бледных мыслишек Кененбая спас заслуженный деятель искусств КазССР режиссер Султан Ходжинов. Он зашел напомнить, что Кожобеков утвержден на главную роль в его фильме «Если бы каждый из нас»... Ни о какой замене не может быть речи.

Через несколько лет, когда — Кененбай мог передвигаться только в кресле-коляске. Ходжинов пришел к нему с просьбой: «Только тебя вижу в роли Сырлыбая, не отказывайся!»

Закладки в третьем томе Н. Островского с красным

кур!» Привязанный к седлу-креслу, Кожобеков не имел возможности выполнить эту команду. Иногда он целый день проводил верхом на коне под немилосердно палящим солнцем...

Не все члены жюри Всесоюзного фестиваля в Тбилиси знали о трагедии Кененбая Кожобекова. Но все единодушно проголосовали за то, чтобы артиста Кожобекова наградить специальным учрежденным дипломом «За вклад в развитие драматического искусства на экране». В фильме «Кыз-Жибек» мастерство Кожобекова достигает того уровня, когда обычно говорят: творческий расцвет, художническая зрелость.

Значит, работать и работать. Но на студии «Казахфильм» последнее время все реже и реже вспоминают, что есть такой артист Кожобеков.

После «Кыз-Жибек» была еще одна крупная роль в фильме Ф. Мансурова «Кулагер». Работу Кожобекова опять можно считать достойным вкладом в драматическое искусство на экране, но... В целом фильм не получился — брак. Если более мягко — творческая неудача. Для Кожобекова это трагедия:

— На «Кулагер» физические силы из моего скудного запаса потрачены попусту. — говорит он. — Другой работы нет. Съемки документального фильма начали, потом приостановили, перенесли на четвертый квартал. Я должен торопиться, а вот сижу дома без дела — чего-то жду...

При мне в квартире Кожобекова несколько раз звонил телефон: просили Ильяса, Аленку.